

СВЕТЛАНА БАРМАТОВА,

кандидат социологических наук, профессор
социогуманитарного факультета Между-
народного Соломонова университета, заве-
дующая социологической лабораторией

Изменение места и роли коммуникации в современном мире

Abstract

In the modern society, we observe crucial changes correlated with transformations in the communication and information spheres. How do they influence development and functioning of all social system? Can they become the reason of transformation of the major social system? To what extent the laws of information and communication do influence the laws of social institutes functioning? And can they influence transformation of such traditional systems as mass-media, man, and social space as a whole? The changes which occur to the information and communications in the modern society have both positive and negative consequences. They do not bear the threat to social system. Rather they highlight the special moments of process of its transformation toward a qualitatively new level of functioning and take part in formation of new (network) design of social space. This problem has not yet been sufficiently elucidated within sociological studies. So the theme requires careful elaboration.

*“Информационное” все чаще становится одним из
определений общества, акцентирующим значение ин-
формационного производства, потребления и обмена
в воспроизводстве социального целого.*

И.Мальковская

Футуристические прогнозы Д.Белла, А.Тоффлера, М.Маклюэна о качественном преобразовании социума на основе информационных технологий, высокого уровня инноваций, управления знаниями, возрастающей индивидуализации и дестандартизации к началу XXI века стали стремительно сбываться. Однако реальности информационного мира оказались пронизаны множеством противоречий. Так, информация, которая, как полагали, бу-

дет вести к усилению в обществе роли знаний, стала превращаться в “экспрессию” (А.Гор) и разрушать знания. Одновременно информация стала все более коммерциализироваться, редуцироваться в “клип-образы”, предназначенные для символического обмена в лоне массовой культуры. Бюрократия, используя информационные технологии, энергично устремилась к трансформации в мировую элиту, а не в меритократию (Д. Белл) или адхократию — ситуативную общность, образуемую, согласно А.Тоффлеру, для решения конкретной задачи. Знание и информация, став ключевыми экономическими ресурсами, одновременно оказались крайне противоречивыми факторами социального и индивидуального развития; и наконец, мощный информационный взрыв отнюдь не привел к “коммуникативному взрыву”, скорее, наоборот, способствовал росту разобщенности индивидов и рождению “индивидуализированного общества” (З.Бауман).

Такое несовпадение прогнозируемого и реального результата трансформаций социальной системы современного общества требует тщательного анализа тех изменений, которые принесла “информационная эпоха”.

Подытоживая многочисленные научные изыскания по поводу социального феномена информационной эпохи, можно условно разделить происходящие в современном социальном пространстве изменения на три основные группы. Рассмотрим их подробнее.

1. Изменения, связанные с изменениями параметров информации как социальной материи

1.1. Увеличение объема информации, скорость ее распространения и т.д.

Информация — это уникальный ресурс, который создается самим обществом в процессе его жизнедеятельности. Нынешний этап развития общества характеризуется тем, что информация стала одной из основных ценностей в жизни человека.

“Потребность в информации, — отмечает С.Андреев, — также жизненно необходима, как потребность есть, пить, общаться с себе подобными. Стремление обеспечить себя информацией возникло в связи с тем, что социальная активность в любой ее форме всегда опосредуется потребностями человека” [Андреев, 1998: с. 69]. Но удастся ли человеку воспользоваться безграничным пространством открываемой для него информации? Достаточно ли только наличия информации для удовлетворения потребности в ней? Какую именно информацию ищет человек и с помощью каких критериев распознает ее?

В современном мире человек все более оказывается потребителем информации, причем потребителем, не интересующимся не только тем, кто ее произвел и с какой целью, но и не успевающим потреблять приготовленный для него продукт. “Потребности человека, — замечает С.Андреев, — разделяют содержание информации на запрашиваемое и незапрашиваемое. Используется только та часть информации, которая необходима для участия в общественной жизни, касается прав и жизненных интересов человека. Незапрашиваемая информация становится избыточной, поскольку не превращается в действие. Фактически она выступает шумовым фоном, который мешает сконцентрировать внимание на необходимой информации”

[Андреев, 1998: с. 69]. Именно бесконечно возрастающую избыточную информацию А.Гор назвал эксформацией [Гор, 1999: с. 556].

В наши дни избыточная информация коммуницирует практически без веляния на то человека. Избыточная информация существенно искажает и социальные, и экономические процессы. “Быстрый рост информации, ее обновление, качественное совершенствование сопровождаются, как известно, стремительным увеличением вала избыточной, дублирующей, неточной информации (феномен “информационных шумов”). Это тормозит принятие рациональных решений в экономике, повышает транзакционные издержки, сдерживает рост производительности и эффективности [Мельянецев, 2000: с. 17]. В результате человечество столкнулось с кризисом, который само же создало: оно тонет в море информации. “Мы произвели на свет столько статистических данных, формул, образов, документов и деклараций, что не в состоянии их усвоить. И вместо того, чтобы искать новые пути осмысления и усвоения уже созданного, мы все более быстрыми темпами продолжаем производить новую информацию” [Гор, 1999: с. 567].

Современность с трудом поддается человеческому осмыслению. Быстрота провоцируемых СМК реакций опережает мысль настолько, что, например, молодые члены социума предпочитают жить сегодняшним днем, полагая, что завтра будет уже “другая современность”. Используя фрагменты человеческих желаний, потребностей, чувств, коммуницирующее “не-что” продолжает безудержно посылать информацию, разрушая процесс превращения информации в знания и в интересующие отношения. В силу этого человек постепенно утрачивает способность коммуникации с миром. Однажды посчитав, что информация о мире заменит ему прислушивание к миру и его чувствование, человек занялся искусственным “выращиванием информации”, надеясь использовать ее в своих целях, а вместо этого оказался в символическом мире пустоты.

Ж.Бодрийяр отразил такое состояние социального пространства следующим образом: “Информации становится все больше, а смысла все меньше” [Baudrillard, 1983: p. 95].

1.2. Достоверность информации. В.Переверзев полагает, что “так же как и знания вообще, сама по себе информация не истинна и не ложна. Истинными или ложными могут быть лишь те информационные сообщения (упорядоченные совокупности языковых символов), посредством которых информация передается от адресанта к адресату” [Переверзев, 2002: с. 5].

Но проблема достоверности информации в современном обществе становится все более и более многоаспектной.

Во-первых, усложняется возможность ее проверки для пользователя, поскольку такие ее параметры, как скорость поступления, масштабность, территориальный охват и количество, не оставляют времени для тщательного анализа и, тем более, проверки.

Во-вторых, современная эпоха породила возможность искусственного создания (моделирования) происходящих событий и соответствующих информационных полей. В результате информационное пространство стало комбинированным: оно содержит отражение как реально происходящего в действительности, так и виртуального. Таким образом, реальные события соседствуют с искусственными изображениями мира. Появление этих виртуальных образований ве-

дет к имитации реальности, ее маскировке, в конечном счете — к созданию некоего вневременного континуума видео-имитационного мира, или, другими словами, гиперреальности, полностью творимой человеком.

Важно подчеркнуть, что создаваемые иллюзии переживаются и воспринимаются людьми как вполне достоверная информация. Но поскольку люди осознают, что искусственно создаваемую продукцию можно выдавать за реальность, это формирует устойчивый скепсис к информации в целом.

В-третьих, многообразие информации, смесь иллюзорности и действительности, возможность свободного выбора индивидом критериев оценки событий — все это создает особую культуру восприятия информации, которая во многом опирается на индивидуальность восприятия и, следовательно, отрицает установку на выработку общих для группы (а тем более для общества) кодовых систем. Наблюдается парадоксальное явление: провозглашенное “информационное общество” все более разрушает коммуникацию — основу интересубъективности, а следовательно, основу самого общества.

В-четвертых, средства массовой коммуникации все явственней “играют” на дифференциацию общества, а не на его интеграцию на основе всеобщей образованности. Между информацией, основанной на знаниях и производимой институциональными структурами общества и масс-медиа, использующими по преимуществу информацию в виде образов, есть существенное различие. Так, институциональные структуры активно заняты поиском, переработкой и производством интеллектуальной информации, то есть прежде всего знаний. “Масс-медийные технологии предлагают потребителю клипы, бренды, образы, в которые надо верить” [Кунде, 2004: с.122, 228]. Научно-техническая информация и массовая информация предназначены, таким образом, для разных “страт”.

1.3. Восприятие информации в качестве основного социального ресурса, символического капитала. Существует три основных способа, с помощью которых любая страна может увеличить свое национальное богатство: 1) постоянное накопление капитала; 2) военные захваты и увеличение территории; 3) использование новых технологий, которые превращают “нересурсы” в ресурсы. В постиндустриальном обществе, как считает Т.Стоуньер, таким “нересурсным” ресурсом стала информация, которая является его основной экономической ценностью, его наиболее потенциальным источником богатства, тем более, что “информацию, подобно капиталу, можно накапливать и сохранять для будущего использования” [Стоуньер, 1986: с. 301].

Информация, по мнению Р.Абдеева, превращается в глобальный, в принципе неисчерпаемый ресурс человечества, которое вступило в новую эпоху развития цивилизации — эпоху интенсивного освоения этого ресурса и невиданных возможностей феномена управления [Абдеев, 1994: с.7]. Как считает Ж.-Ф.Лиотар, в современных условиях информация “может стать “желанным” инструментом контроля и регуляции системы, включая контроль самого знания” [цит. по: Горбатенко, Дубас, 2002: с. 195].

1.4. Изменение роли информации, появление в обществе новых групп “экспертов”. Проявлениями информационных изменений в современном мире являются: “информационная революция” (термин хотя и спорный, но уже ставший частью научного дискурса) с очень неоднозначными социальными последствиями; формирование и становление единого информационного

пространства; оформление в научном пространстве идеи информационного общества.

Подход к теории информационного общества, акцентирующий роль знаний, разума, лежит в русле классической европейской традиции, рассматривающей эволюцию человечества сквозь призму прогресса знаний и обозначающей современный социум как “the knowledgeable society”, “knowledge society” или “knowledge–value society” [Новая постиндустриальная волна, 1999: с. 21]. В то же время акцент на информационном аспекте как технологическом, связанном с носителями информации, предполагает выход за пределы традиционной европейской парадигмы, полагая коммуникацию и информацию в качестве новой глобальной тенденции управления, не только сокрушающей и преодолевающей национально-государственные границы, культурно-цивилизационные пространства, “локалы”, но и осуществляющей деструкцию социального, ментального, в том числе всякого когнитивистски ориентированного сознания и знания. Современная идея дифференциации общества на основе “узаконивания таланта” поднимает на волну власти интеллектуальный класс и одновременно привлекает к контролю за властью подавляющее большинство граждан через принципы прямого демократического участия.

Но у социологов есть сразу несколько весомых контраргументов.

Во-первых, несмотря на казалось бы возросшую возможность разработки действительно глобальной тенденции управления, современный мир испытывает жесточайший управленческий кризис. Более того, “информационно-коммуникативная революция выдвинула на авансцену социально-экономической жизни транснациональные производственные комплексы и могущественные ТНК, способствовала отрыву финансового капитала от реальной экономики и превращению его в самостоятельную, практически не поддающуюся контролю силу” [Эльянов, 2003: с.6].

Во-вторых, глубокий разрыв информации и знаний, процессы экономического дерегулирования, наблюдающиеся в социальной сфере, уже сегодня обозначают тревожные тенденции в развитых обществах: происходящее “сжатие средних страт”, которые всегда были основой современной мир-системы, демографические разрывы и миграционные движения и, как их следствие, расширение движения “ничегонезнаек” [Валлерстайн, 2003: с. 135, 138]. По мнению И.Валлерстайна, на ближайшие сорок–пятьдесят лет мир-система оказывается в состоянии острого морального и институционального кризиса. И острейшей задачей становится создание нового социального порядка.

1.5. Появление информационного неравенства. Многие ученые, в том числе и К.А.Нордстрем и Й.Риддерстрале, считают, что поляризация в современном обществе увеличивается, и возникают новые виды неравенства. По их мнению, существует три типа фрагментарности [Нордстрем, Риддерстрале, 2001]: первый связан с доступом к образованию и с увеличением разрыва между образованными и необразованными людьми; второй обусловлен увеличивающимся разрывом между поколениями в контексте разделяемых ценностей и ориентаций; третий тип фрагментарности вызывает информационная среда и возможность адаптации к ней посредством компьютера.

Но фундаментальной проблемой современного общества является все-таки фрагментация третьего типа, или информационное неравенство. Сегодня в мире около 1,5 млрд телевизоров и 2,5 млрд радиоприемников, к которым доступ имеют около 75% населения Земли, а компьютеры имеют менее 5% населения Земли, из них в Интернете около 100 млн компьютеров, что численно эквивалентно менее чем 2% населения Земли. Больше половины жителей планеты никогда не звонили по телефону, просто не видели его (по данным ООН и Всемирной организации труда), в большом Нью-Йорке телефонных сетей больше, чем во всей сельской местности Азии, а в Лондоне больше пользователей Интернета, чем во всей Африке. Недоступность для части жителей мира средств обработки, выборки и передачи информации по телекоммуникационным сетям, включая и Интернет, — это и есть информационное неравенство, оно существует внутри стран, между регионами и на глобальном уровне [Агамирзян, s.a.].

2. Изменения, связанные с развитием информационных технологий

Информатизация общества связана с возникновением и развитием объективно обусловленных информационных технологий. С ростом и усложнением управляемых систем возник информационный барьер, который невозможно было преодолеть без создания программируемых электронных средств для сбора, накопления, переработки, транспортировки и представления информации. Увеличение количества и усложнение общественных объектов и связей между ними обусловило появление больших массивов информации, что потребовало качественного скачка в обработке первичной информации с целью получения информации нового качества о состоянии субъекта, процесса или явления, то есть информационного продукта [Дубас, 2004: с. 31–32].

Очевидно, что информационные технологии особым образом структурируют социальные взаимодействия людей, влияют на характер их интерсубъективных отношений, когнитивных структур, эмоциональных реакций и, как следствие, на систему ценностных предпочтений. Вообще, как считают Ю.Сурмин и Н.Туленков, современная эпоха — эпоха социальных технологий, поскольку именно они отвечают потребностям мобильного и модернизационного общества. “Все большее значение, — пишут авторы в своей работе “Теория социальных технологий”, — приобретает овладение ... технологиями обновления общественной системы и всех составляющих ее элементов. Такой широкий социально-технический подход в максимальной степени соответствует сущности и целям современной фазы трансформации... общества”. И далее: “...социальная технологизация уже начала превращаться в одну из ведущих тенденций мирового общественного развития” [Сурмин, Туленков, 2004: с. 7–9]. Сверхзадачей информационных технологий является обеспечение выживания человека в информационных потоках.

Современные информационные технологии определяются несколькими параметрами. Наиболее значимыми из них является, во-первых, их глобальный и тотальный характер. Глобальность информационных технологий означает охват практически всего мирового сообщества информационно-компьютерными сетями и создание мирового информационного пространства, которое преодолевает пространственно-временные барьеры в

международном общении между людьми. Во-вторых, они существенно воздействуют на все сферы и стороны жизнедеятельности человека, общества, качественно изменяя все наработанные ранее социальные технологии: общения, обучения, принятия решений и т.п.

Сближение социальной эволюции с информационными технологиями позволило создать новую материальную основу для пронизывающих все строение общества видов деятельности. Таким образом, движение информации приобретает не “вертикальный характер”, свойственный традиционному обществу, а “горизонтальный”, охватывая самые разные узлы, находящиеся в горизонтальных плоскостях социальных структур.

Специфическим видом информационной технологии являются глобальные электронные сети — первая коммуникационная технология, развивающаяся одновременно в направлении фактора *влияния*, возрастающего по мере того, как все большее количество людей становится получателями (реципиентами) информационного послания, и фактора *автономии*, возрастающем по мере роста доли граждан, способных быть отправителями или генераторами информационного послания.

Компьютерные сети, и в особенности Интернет, порождают политический революционное сочетание автономии и влияния. Каждый имеющий доступ к глобальной сети может выступать как реципиентом, так и генератором информации. Глобальная информационная сеть, сложившаяся в последние годы, охватила десятки миллионов коммуникаторов и реципиентов. Многократно возросла мощь мультимедийных технологий, которые постоянно совершенствуются и обновляются. Знания или сведения, которые перерабатываются, передаются, продаются, предназначены для множества действующих в информационном пространстве акторов и реципиентов. Наряду с информацией, организационными возможностями, каналами связи и т.д. знания включены в то, что в наши дни называют “интеллектуальным капиталом”, используемым для создания общественного богатства.

В то же время — на что А.Тоффлер обращает особое внимание — возрастающая автономия информационных технологий все больше сокращает роль человека в принятии решений и подчиняет его запрограммированному способу действия. Возникает проблема контроля бесконечных преобразований информации. Однако требования упорядочивания и жесткого контроля над информацией противоречат потребности в инновациях, которые стимулируют процесс производства. Чем прочнее и надежнее становится информационная система, чем больше возрастает определенность и структурированность, чем легче она поддается управлению, тем сильнее сдерживает творческие силы и вызывает застой организации [Тоффлер, 1992: с.116].

Более того, информационные технологии не только не привели к качественно новому уровню гуманизации отношений в различных областях социальной практики, но, напротив, вызвали повсеместно глубокий кризис образовательных систем, представительской демократии, требующей доступа к электронным медиа. Парадоксальность современной ситуации проявляется и на уровне человека, когда в индустриально развитом мире наблюдается сегодня отставание “человеческого фактора” (нехватка знаний, способностей, недостаточная мотивация) от развития информационных технологий. Такое впечатление, что информационная модернизация “работает” не на человека, а против него.

3. Изменения, связанные с природой и механизмом коммуникативного взаимодействия и коммуницируемостью как качеством социального пространства

Проблемы последнего десятилетия глобализации, обострившиеся кризисные процессы в культуре, усилившие фрагментацию мира и заставившие говорить о необходимости перестройки мирового порядка и т.п., акцентируют межкультурные аспекты коммуникации, необходимость диалога культур. Характерно, что современное информационное пространство навязывает индивидам коммуникацию, диалог, исходя не из различия культур, а, напротив, из их схожести [Миронов, 2003: с. 452]. Мир всегда был социально разнородным, и налаживание коммуникативных мостов в нем предполагало множество различных форм коммуникации. Но если раньше в основе коммуникации лежал смысл культуры и расшифровка этого смысла выступала одновременно средством адаптации к ней, считает В.Миронов, то сегодня система коммуникации вынуждает по своим законам и правилам вести диалог между культурами. “Культуры как бы погружаются в иную, внешнюю для них среду, которая пронизывает межкультурный диалог... В едином коммуникационном пространстве господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, ее общедоступные, т.е. наиболее простые компоненты. Это общение со своим зеркальным отражением, причем по заданным стереотипам коммуникации... Возникает царство мертвой тождественности при огромной внешней активности” [Миронов, 2003: с. 452].

В современном обществе, как считает Н.Луман, вместо иерархии присутствует гетерархия. Общество характеризуется поликонтекстуальностью, в которой нет репрезентативного центра, нет верха и низа [см.: Юдина, 2001]. Современное общество, таким образом, представляет собой функционально дифференцированное общество, базирующееся на различении автономных функциональных подсистем (таких как хозяйство, политика, воспитание, религия, искусство и др.). Каждая подсистема коммуницирует внутри себя, вовне и о себе, вырабатывая собственные репрезентации, претендующие на целостность и всеобщность. “Такое общество невозможно рассматривать как упорядоченную целостность, поскольку нет единого центра или верхушки, откуда можно было бы увидеть общество как целое. Различия между функциональными подсистемами, между индивидом и коллективом, между прошлым и будущим уничтожают принцип структурного единства, выводя на первый план коммуникацию” [Купер, 2000: с. 40].

Но парадоксально то, что социальное пространство, становящееся все более интегрированным на основе носителей сообщений, обретает свойства коммуницируемости, что в практическом плане открывает неведомые ранее горизонты свободы и в то же время создает неуловимые и незримые механизмы символического насилия. Коммуницируемость — это и пронизаемость пространства социума для носителей коммуникации, социальных технологий, и в то же время это обретение каждой социальной единицей (вплоть до конкретного человека) способности “вещать о себе”, заявлять о своем существовании. В способности коммуницировать носитель информации все более проявляет себя как ее мультипликатор, бесконечно увеличивающий мощь воздействия на объекты коммуникации и на себя самого в качестве такого же объекта.

3.1. Проблема человек/коммуникация. Коммуницируемость социального пространства активно формирует новый режим приобретения знаний, новостей, личного и делового общения. Но, погружая человека в непрерывный поток информации, она вместе с тем способствует ускользанию информационных смыслов, информационному “разыгрыванию” и информационному насилию. Социальные субъекты коммуницируют друг с другом, но их языки общения все меньше совпадают, разнятся, перебивают и подавляют друг друга. В пространстве “интерсубъективностей” возникает некая анонимная сила, коммуницирующая “сама по себе”.

Всеобщая коммуницируемость социального, политического, информационного пространства делает коммуникацию прерогативой не столько человеческого мира, сколько социально-технологического, информационного универсума, по отношению к которому человек, с его врожденным навыком коммуникации, выступает то как функция, то как объект, то как атрибут, то как клиент, то как электорат, то как потребитель. Во всех случаях человек востребуется лишь частично, в зависимости от того, какой “фрагмент” сегодня нужен коммуникации [Мальковская, 2004: с.106].

3.2. Становление информационно-коммуникативного общества. “Словом “информация”, — отмечает один из критиков технологического детерминизма Т.Розак, — стали обозначать все, что может быть закодировано для передачи по каналам связи от источника к получателю, вне зависимости от его семантического содержания” [Roszak, 1986: p. 13]. На мой взгляд, именно такое понимание роли и места информации заставило И.Мальковскую задаться вопросом: “может ли человечество противопоставить мощному и спонтанному воздействию информационного начала некое коммуникативное начало?” [Мальковская, 2005: с. 104]. Исследовательница, пытаясь ответить на этот вопрос, обращается к понятиям информационного общества и коммуникативного общества. Она считает, что дополнением информационного общества может быть общество коммуникативное, предвестниками которого являются К.-О.Апель и Ю.Хабермас. Мальковская ссылается на их подходы к пониманию “неограниченного коммуникативного сообщества... в качестве условия возможности формирования консенсуса, а тем самым — и обнаружения истины”. “Если “информационное” — потенциальный фактор общественного воспроизводства на новой технологической основе, то коммуникативное — основа сущностного человеческого отношения к Другому, в котором пересекаются и природный, и культурный, и социальный, и технологический компоненты” [Мальковская, 2005: с.104].

Становление информационно-коммуникативного общества, казалось бы, должно было стать неизбежным финалом информатизации социального пространства. Но “информационно-коммуникативное общество оказывается чрезвычайно противоречивым” [Мальковская, 2005: 107], поскольку в коммуникативном концентрировано выражена природа человека, требующая для себя особой социальной оболочки, внутри которой происходит встреча с Другим. В информационном выражена над-природная, конструктивистская детерминанта развития социума. И в этом смысле *информационное* и *коммуникативное* сегодня не объединены в целях создания социального мира и социального дома для человека, более того, они отдаляются друг от друга.

Выводы

Сегодня сложно с уверенностью установить причинно-следственную связь: информационные ли изменения породили структурные или наоборот, накопившиеся в обществе модернизационные элементы потребовали своего обоснования на уровне общественного сознания, что стало возможным только с помощью формирования социального дискурса (поскольку, как отмечают ученые, любые социальные изменения сначала возникают на уровне идей и фиксируются как раз в пространстве сознания и языка), или эти процессы происходили одновременно? Но следует признать, что между этими двумя типами изменений существует тесная (хотя не всегда непосредственная, но очень устойчивая) взаимозависимость.

Сами эти изменения оказались гораздо более сложными для научной рефлексии, чем казалось ученым. Если обобщить многообразные исследования современных социологов, в которых информация, коммуникация или процессы, связанные с этими явлениями, указываются в качестве определяющих состояние социальной системы современного общества, то создается впечатление скорее отсутствия какой-то общей логики исследования этих явлений и их последствий, чем наличия ответов на поставленные вопросы. Эти научные изыскания грешат таким количеством кардинально противоположных, а нередко и противоречащих суждений и заключений, что создается впечатление их мозаичности и хаотичности. Частично это может объясняться тем, что современные исследователи зачастую пытаются исследовать новейшие социальные тенденции с помощью традиционного инструментария и оперируя традиционным понятийным аппаратом. Поэтому современной социологии необходимо отойти от традиционных теорий и объяснительных моделей и формировать новые, соответствующие современным реалиям социальной системы.

Литература

- Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. — М., 1994.
- Агамирзян И. Мировой опыт реализации концепции электронного правительства. — <http://www.microsoft.com/Rus/Government/analytics/egov_evolution.mspx>. — S.I., s.a.
- Андреев С.С. Информационность — критерий содержательности духовных ценностей // Социально-политический журнал. — 1998. — № 2. — С. 79–93.
- Валлерстайн И. После либерализма. — М., 2003.
- Гор А. Земля на чаше весов. В поисках новой общей цели // Новая постиндустриальная волна на Западе : Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. — М., 1999.
- Горбатенко В.П., Дубас О.П. Політичні аспекти інформатизації суспільства // Політологічний вісник : Збірник наукових праць: Вип.10. — К., 2002. — С. 195–201.
- Дубас О.П. Інформаційний розвиток сучасної України у світовому контексті. — К., 2004.
- Кунде Й. Корпоративная религия. — СПб., 2004.
- Купер И. Гипертекст как способ коммуникации // Социологический журнал. — 2000. — № 1/2. — С. 36–57.
- Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. — М., 2004.
- Мальковская И.А. Многоликий Янус открытого общества: опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации. — М., 2005.
- Миронов В.В. Коммуникация глобальная. Глобалистика : Энциклопедия. — М., 2003.

Новая постиндустриальная волна на Западе : Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. — М., 1999.

Нордстрем К.А., Риддестрале Й. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. — СПб., 2001.

Переверзев В.Н. Теория коммуникации: методологический подход // Методы современной коммуникации: проблемы теории и социальной практики. — М., 2002.

Стоуньер Т. Информационное богатство: Профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986.

Сурмин Ю.П., Туленков Н.В. Теория социальных технологий : Учебное пособие. — К., 2004.

Тоффлер А. Проблемы власти на пороге XXI века // Свободная мысль. — 1992. — № 2. — С. 113–120.

Эльянов А.Я. Неолиберальная глобализация и догоняющее развитие : Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых “Глобальный мир”: Вып. 8 (31). — М., 2003.

Юдина Т.В. Теория общественно-политической речи. — М., 2001.

Baudrillard J. In the Shadow of the Silent Majorities, or, The End of the Social and Other Essays. — N.Y., 1983.

Roszak T. The Cult of Information: The Folklore of Computers and the True Art of Thinking. — Cambridge, 1986.